

Конечно, у Цин Шуй не было никаких возражений. Будет лучше, если Повелительница Демонов тоже присоединится, но такая вероятность не высока. Он не питал никаких чрезмерных ожиданий. Цин Шуй не ожидал, что даже Хуа Жумэй каким-либо образом поможет ему на этом фронте.

Хуа Жумэй не могла дождаться, чтобы попробовать своё первое блюдо. Она продолжала моргать в сторону парня: — Еда выглядела восхитительно, но только после первого укуса можно сказать, что вкус намного превосходит всякое представление.

Хуа Жумэй никогда не думала, что у мужчины могут быть такие достижения в кулинарии. Большинство имперских поваров в мире девяти континентов являлись обычными людьми, поэтому у данной профессии очень мало мастеров боевых искусств. Даже если они хороши в кулинарии, они не настолько высококвалифицированы. Уже видно, что этот человек не только врожденно талантлив в боевых искусствах, но и также талантлив и в других областях. Он словно существо вне этого мира, даже ей стало стыдно за свою неполноценность. Этот человек не только специалист в боевых искусствах, но и в медицине, алхимии и кулинарии. Нет ничего, чего бы он не знал.

Хуа Жумэй перестал думать и просто продолжала есть.

Женщина медленно ела свою еду, очень естественно и элегантно. Такое зрелище пробуждало чувства. Элегантная, естественная красота. Если бы не естественная плавность ее движений, её нельзя было бы назвать изяществом.

Хотя на ее лице не проявлялось никаких явных изменений, Цин Шуй заметил вспышку удивления на ее красивом лице. Она подняла голову, чтобы посмотреть на парня, но в сей миг их взгляды встретились.

— Вкусно? — Гордо спросил Цин Шуй.

— Мм! — Женщина слегка кивнула. Она чувствовала, что в этом человеке что-то изменилось. Казалось, он стал более бесстрашным, чем раньше, да еще и стал более зрелым и храбрым.

— Тогда попробуй больше. — Усмехнулся Цин Шуй, продолжая есть.

Хуа Жумэй удивилась увиденному. Этот парень быстро изменился. Даже Повелительница Дворца словно относилась к нему иначе, чем к другим людям. Она никогда раньше не ела с мужчинами. Более того, она не употребляла непосредственно то, что ей вручали мужчины.

Но сегодня казалось, что лед тронулся. Чем больше она за ними наблюдала, тем больше она чувствовала, что у этих двоих имелись отношения, что не известны другим людям. Однако это не должно быть чем-то нелепым.

Однако Хуа Жумэй ни за что не догадывалась. Та версия настолько нелепая, что даже если бы она оказалась достаточно дерзкой, то все равно даже не подумала бы в том ключе.

Хуа Жумэй слегка похлопала себя по полному животу и сказала: — Это была лучшая еда, которую я когда-либо ела. Если за него кто-либо выйдет замуж, то будет благословлен небесами. Не так ли, Повелительница?

Руки парня задрожали. Отношения Хуа Жумэй и Повелительницы Демонов похожи на

отношения сестер. Большинство людей не осмелились бы так шутить, но она не испытывала никакого давления, чтобы говорить таким образом перед ней.

На этот раз женщина ничего не сказала. Слова Хуа Жумэй не возымели никакого эффекта. Наверное, она уже не в первый раз говорила что-то подобное. Молчание Повелительницы Демонов не заставило Хуа Жумэй почувствовать что-то неуместное.

После еды, когда Цин Шуй убирал со стола, Хуа Жумэй встала: — Давай мы уберем. Мы не помогали тебе раньше, поэтому помоем посуду.

Женщина ошеломилась на секунду, а Цин Шуй странно посмотрел на нее. Женщина кивнула головой и сказала: — Так будет правильно.

Цин Шуй помассировал виски и решил, что ему следует просто позволить им помыть посуду. Наблюдать, как две их мягкие и белоснежные руки моют посуду - своего рода наслаждение. Хуа Жумэй не торопилась. В начале она и Повелительница Демонов вымыли свои собственные миски, а потом уже приступили к другой утвари.

В конце концов, Хуа Жумэй не торопилась с последней миской. По-видимому, она мыла ее снова и снова. Затем Повелительница Демонов взяла миску Цин Шуя...

В этот момент Цин Шуй почувствовал, что видит галлюцинацию. Он чувствовал, что она похожа на его собственную женщину. Его женщине вполне естественно мыть его миску, но сейчас её мыла Повелительница Демонов.

Размышляя в подобной стезе, он решил, что здесь нет ничего необычного. Он уже прикоснулся к ее телу, причем основательно. Но, думая о том, что только что произошло, он чувствовал нечто такое, что не поддавалось описанию. Эта ее холодная и элегантная, но в то же время ледяная и завораживающая красота. Вместе с ее белоснежной мягкой кожей, гладкой на ощупь, и нежными изгибами, словно небесная нефритовая скульптура, вырезанная богами.....

— Цин Шуй, у тебя какое-то странное выражение лица. О чем ты думаешь? — Хуа Жумэй улыбнулась помахала рукой перед лицом парня.

Цин Шуй наконец-то снова сосредоточился, покраснев. Он увидел, что Повелительница Демонов тоже смотрит на него, но выражение ее лица выглядело несколько неестественным. Казалось, она догадалась, о чем он думает.

— Я думал, что некоторые произошедшие вещи никак не изменить. В них нет места для сожалений, но должен быть способ искупить свою вину. — Вздохнул Цин Шуй.

— Начинается депрессия? Скажи старшей сестре, что ты сделал не так, а я дам тебе совет. — Хуа Жумэй выглядела заинтересованной.

Повелительница Демонов попрощалась с ней, а затем вернулась в палатку.

— Ты действительно хочешь послушать? — Спросил Цин Шуй и усмехнулся.

— Если ты хочешь сказать, то я послушаю. — Вернула ему смешок Хуа Жумэй.

Цин Шуй покачал головой: — Все в порядке, говорить особо не о чем. Нет человека, который никогда не ошибался. То произошло в прошлом, когда я был молод. Может быть, совершать много ошибок - правильный путь вперед.

— Почему ошибки - это правильный путь вперед? — Хуа Жумэй и Цин Шуй болтали за столом, пока небо темнело.

— Ошибки, сделанные по молодости, небеса простят. Потому что ошибки юности можно исправить и искупить, когда человек становится старше. Таким образом, у них будет чем заняться. Они никогда не будут чувствовать пустоту, так им есть о чем жалеть. Совершая ошибки по молодости, они оставят хорошие воспоминания, чтобы можно было оглянуться назад, когда постареют. Это нечто запоминающееся, и они не будут чувствовать, что их жизнь прошла пресно...

— Не могу сказать, есть ли смысл в твоих словах. Кажется, будто я должна сделать несколько ошибок, иначе мне будет грустно. — Серьезным тоном ответила Хуа Жумэй.

Цин Шуй покачал головой, он уже слышал такие слова в своей прошлой жизни. Хотя такое обычно рассматривалось как отступление, он сам придерживался некоторым принципам. Он наконец-то понял принципы, когда был в том месте. В его нынешнем возрасте, когда его дети становились старше, Цин Шуй мог понять, что уже многие ошибки он больше не мог допускать.

— За ошибки приходится платить цену, иначе люди сделали бы много ошибок. Некоторые ошибки можно сделать, но некоторые совершать не должны. Даже после одной такой можно сожалеть всю оставшуюся жизнь.

— А? Ты чувствуешь, что только что достигли чего-то, обучая свою старшую сестру? — Рассмеялась Хуа Жумэй.

— Конечно. Иначе с чего бы старшим поколениям любить учить младших? — Цин Шуй тоже засмеялся.

После того, как они поболтали некоторое время, Хуа Жумэй и Цин Шуй вернулись в свои палатки. Цин Шуй вошел в свою палатку, а затем сразу же вошел в Сферу Вечности Фиолетового Нефрита.

Культивировать!

Однако Цин Шуй обнаружил, что его сердце пребывало в беспорядке, он не мог успокоиться. Его голова была заполнена фигурой Повелительницы Демонов, но он не знал, почему так происходит. Он не мог забыть картины, когда она мыла его посуду.

Не в состоянии спокойно культивировать, он достал свою Золотую Каллиграфическую Кисть и Чернильницу из Лунного Камня. Он также достал немного бумаги и начал рисовать.

Рисовал он конечно же Повелительницу Демонов.

Цин Шуй долгое время не улучшал свое Искусство Рисования. На этот раз он просто вспоминал ее силуэт в своем сознании и начал рисовать его.

Он больше не был привязан к сфере своего рисунка, он хотел нарисовать ее фигуру, что жила в его сознании. Когда ему станет скучно, он сможет взглянуть на нее и предаться воспоминаниям.

Пока он предавался своему искусству, то начал вспоминать начало опыта. Он добавил немного понимания, немного любви, нежности и тоски... Все свои чувства.

Кисть в его руке рисовала поверх звериной шкуры, он рисовал не с самоуверенностью и легкостью, и не с силой. Он рисовал с чувством гармонии, которое завораживало людей.

Небесное Дао!

Как человек, который уже вошел в Небесное Дао, Цин Шуй снова сделал гигантский шаг вперед.

Небесное Дао трудно постичь, но она его таинственная сила. Он мог заимствовать силу, много силы!

Когда он остановился, то заметил, что его оставшееся время в Сфере Вечности Фиолетового Нефрита прошло более чем наполовину, но своим рисунком он оказался больше всего доволен. Теперь он счастлив. Теперь улучшил свое Искусство Рисования и прорвался через уровень Рисования Костей.

Цин Шуй пребывал на уровне Рисования Костей слишком долго, что даже готовился никогда не достигать в нем прорыва. Более того, времени, которое он тратил на развитие своего Искусства Рисования, становилось все меньше и меньше. Он никогда не думал, что сейчас произойдет прорыв, тем более что никаких намеков на успех видно не было.

Уровень Рисования Души!

Когда он думал про искусство, то чувствовал, что оно немного сюрреалистично. Он посмотрел на женщину на рисунке, а от нее исходило ощущение, что она живая. Он был уверен, что еще ощущения даже больше, чем просто яркие и живые.

Цин Шуй внезапно прорвался на уровень Рисования Души. Говорилось, что уровень Рисования Души в состоянии вытянуть реальные души, но сказанное слишком сюрреалистично. Цин Шуй чувствовал, что оно больше похоже на прорыв в другую сферу. Рисунки стали еще более пленительными, но мог ли он нарисовать что-то живое, он не знал. Вероятность невелика. Уровень Цин Шуя может наделить человека в его рисунке сущностью, Ци и духом. После некоторых раздумий он решил, что это невозможно, так как он не придерживался Небесного Дао.

Цин Шуй смотрел на этот рисунок. Не имело значения, кто бы посмотрел на него – все испытали бы шок. Это определенно самый высокий уровень рисунка в мире девяти континентов. Прорыв всегда хорошее событие, так как Цин Шуй делал это в основном для Небесных Талисманов. Он развивал искусство не для того, чтобы рисовать картины. Таким образом, Рисование Души своего рода выражало суть рисунка. Будучи в состоянии нарисовать еще более глубокий уровень вещей, можно выделить невыразимые вещи.

Цин Шуй обнаружил, что совсем не устал и даже чувствовал себя комфортно. Это снова повергло его в шок. На этот раз прорыв не увеличил его силу, но его запас сущности, Ци и духа удвоился. Страшно. Его сила от прорыва не изменился, но его боевая выносливость удвоилась.....

Поскольку количество сущности, Ци и духа, которые он мог хранить в своем теле, увеличивалось, его сопротивление также увеличивалось. Если бы он поднялся на одну ступень выше, то мог снова прорваться, получив весомые преимущества.

Прямо сейчас, состояние ума парня достигло спокойствия. Тем не менее, его сердце все еще пребывало в беспорядке, хоть ему и стало немного лучше. Женщина обладала разрушительной

силой, даже взирая на него с полотна. Она могла заставить мужчин потерять аппетит и полностью впасть в уныние.

Цин Шуй испытывал это чувство и раньше. Обладание ею сродни с обладанием миром, в то время как потеря ее похожа на потерю его собственной жизни.

.....

На второй день Цин Шуй проснулся рано и начал практиковать свой Кулак Тайчи. Его Небесное Дао, казалось, продвинулось совсем немного. Даже его Кулак Тайчи словно приобрел дополнительной естественности.

Золотая Ци Тайчи окутала окружение парня. Так же, как вода, она витала вместе с его кулаком. Эта Золотая Ци Тайчи являлась самой гибкой и в то же время самой твердой. Она бы двигалась с потоком его движения, с твердостью и энергией Ян.

Каждый его взмах кулаком словно происходил из иного царства. Он, казалось, практиковался без влияния мира, что довольно завораживало. Люди не посмеют недооценивать его способности.

Повелительница Демонов и Хуа Жумэй стояли возле своих палаток, наблюдая за парнем издали.

— Как же так? Его появление повысило наши шансы на победу. — Радостно произнесла Хуа Жумэй.

<http://tl.rulate.ru/book/51/655797>